Василий Московский

Псы Господни

СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ БРАНЬ

18+

Василий Московский

Псы Господни

«Автор»
2026

Московский В.

Псы Господни / В. Московский — «Автор», 2026

Это фанфик по вселенной "Заступы" Ивана Белова.Мародёрствующая банда язычников разорила приграничное село Русского Царства. По их следу был направлен один из лучших десятков Псов Господних, бойцов Особого Приказа, карающий меч Московского Престола, дабы уничтожить противника. Псы быстро берут след и настигают врага. Но то, с чем им придётся столкнуться находится за пределами человеческого.

© Московский В., 2026
© Автор, 2026

Псы Господни

Солнце клонилось к закату, когда они обнаружили его.

Точнее, то, что от него осталось.

Это был один из мародёров-язычников, вне всякого сомнения.

Головин узнал его по характерным татуировкам на лице, жуткой вязи ломаных линий, своего рода печати, отличающей слугу сатаны.

Десятник Псов Господних, отряда разведчиков Особого Приказа государя Алексея Михайловича, за свои двадцать лет службы навидался всякого, но такое видел впервые.

Голый труп висел на одной ноге, подвешенный на собственных кишках. Обе руки по локти, и правая нога, по колено, отсутствовали. Точнее, были зверски выломаны, судя по характерным ранам. И не факт, что язычник был мертв во время экзекуции. Голова его была отделена от шеи и вставлена в распотрошенный живот, глядя на русских всадников выпученными от боли остекленевшими глазами с застывшим в них ужасом и страданием.

Головин слышал, как Фрол, тощий и бледный как упырь, безбородый монах, затянутый в черное с тяжелым крестом поверх кольчуги, самый молодой в их отряде, шёпотом читает пятидесятый псалом. Гришка Гурьев, рослый, светловолосый красавец в воронёной кирасе, исчерченной священными символами и расписанной золотистыми буквами Живых Помощей Девяностого Псалма, кривит иссеченные жутким шрамом губы. Зеленые глаза застыли на висельнике.

— Эт кто ж его так? – хохотнул Степан Минаев, тощий, похожий на лису, в черном кафтане и легкой кожаной куртке с вороненными вставками, самый меткий стрелок в отряде. На его краснощёком, худом лице, играла нервная улыбка.

— Да хер его знает, – поморщился Головин , сплюнув. И добавил – Не похоже, что человек его отходил.

Он тронул пятками бока коня и, поскрипывая кожей и сталью доспехов, подъехал поближе. Изо всех сил он старался заглушить шёпот, который явственнее и настырнее зазвучал у него в мозгу. Полный радости и предвкушения, он требовал еды. Требовал крови.

С хриплым карканьем с трупа слетела пара ворон.

Головин присмотрелся. Точно, не мог такое сделать человек. Не было следов ни сабель, ни пуль. Бедолагу, мать его ети, рвали голыми… руками? Рвали когтями. На плечах и ляжках Головин заметил следы зубов. Не звериных. Но и не человечьих.

— Что увидел, Дмитрий Федотыч? – спросил Фрол своим тихим почти бесцветным голосом. – Никак нечисть беснуется?

— Похоже, ети её мать! – обречённо вздохнул Головин. Шёпот, сука, не унимался, шелестел где-то там, на задворках разума. Только этого им не хватало! Мало литовских язычников, так ещё и страховидла добавилась! Впрочем, тёртый калач Головин иного на землях приграничья и не ждал.

— И чего теперь? – Гришка смачно сплюнул.

— А ничего! Идем следом, по уговору, – отрезал Головин , возвращаясь к отряду.

— А если их всех… того? – осторожно заметил Степан, оправляя пистоли, заткнутые за черный же кушак. За спиной у него покоился мушкет, из которого он воробью мог голову отстрелить с восьмидесяти шагов. Даром, что пьяница и гуляка. Вот и сейчас тёмные глаза его поблескивают хмельком — принял перед походом для храбрости, и не забывает каждую версту прикладываться к фляжке, что булькает у него на поясе. Непорядок, конечно, но раз делу не мешает, пусть его! Головин уже усвоил, что не стоит чинить то, что работает, может быть только хуже.

— Я б только порадовался, – осклабился Гришка. – После Неждановки, я б их сам голыми руками рвал. С чувством, с толком, с расстановкой.

И с этим было трудно не согласиться. Десяток Псов Господних под командой Дмитрия Головин а третий день шёл по следу налетчиков. В общем-то обычное дело, здесь пролегала граница между владениями Русского Царства и мрачных, затопленных тьмой Литовских земель. Полоса фронтира, где селились самые бедные, и при этом, самые отчаянные люди, понимающие, что в этой глуши помощи им ждать особо не откуда и придется выживать как-то самим. Первопроходцы, почти всегда воины, это была и первая линия защиты государства от посягательства как врагов-людей, так и нечисти, что обитала в этих гиблых местах. Взамен, государство освобождало таких людей от тяжелых податей, даровало им хоть какое-то подобие воли и обещало помогать войском, если, вдруг, силы первопоселенцев окажутся недостаточными, чтобы отбросить угрозу. Так случилось и теперь. До Головин а дошли вести о мародерствующей банде литовских язычников, настолько обнаглевшей от безнаказанности, что почти не таясь куролесила на западной границе. Регулярное войско подойти не могло, потому что сдерживало участившиеся атаки нежити и чудовищ на Большую Засечную Черту. Поговаривали об открывшемся там Оке Сатаны. А ещё, в последнее время участились набеги с Дикого Поля, а на севере, в опасной близости от русских берегов видели шведские корабли. Так что, вырезать мародеров доверили одному из лучших десятков Псов, безжалостному карающему мечу русского престола, который способен разить врага всегда и везде, выискивать, преследовать и рвать безо всякой жалости и милосердия, как настоящие псы, которых спустили с цепи. И Головин со своими бойцами принялся за дело со всем присущим ему рвением. На след они напали довольно быстро. И очень скоро увидели то, что оставляют после себя язычники.

Головин до сих пор сжимал зубы, вспоминая ту сожженную деревню. Изглоданные огнем избы. Дуб, чьи ветви клонились к земле от тяжести повешенных. Голый женский труп во дворе у плетня, с распоротым животом. Разрубленное надвое тело ребенка. Вонь, тяжелую, сладковатую, тошнотворную, удушливую гарь, жужжание мух, хлопанье крыльев и карканье ворон. Деревня была вырезана под корень. Будто труп, изглоданный могильными червями.

Он помнил с какой молчаливой злобой его люди копали могилы. Как Фрол читал заупокойные молитвы, чтобы покойники не поднялись снова и не навредили живым.

Тогда Головин сам себе поклялся, что пленных брать не будет. Рубить, вешать, или, чтобы душу отвести, четвертовать будет их всех на месте.

А тут, кто-то постарался до них.

И это, все же, настораживало.

— Видать, не столько с язычниками мы дело иметь будем, – задумчиво проговорил Гришка.

— Видать, – тихо проговорил Головин.

Повешенный язычник был не последний. Еще одного отряд увидел на следующий день, в самую рань. Он был повешен, аки пугало, на самом краю поля. Ветер трепал его изорванный кафтан, пропитанный кровью. Он был прибит к кресту, глаза были вырваны, с лица была снята кожа. Ветер, по-осеннему холодный, трепал его лохмотья и остатки волос на голове. Третий был развешен на ёлочке, будто жуткое украшение. Головин слышал, что подобным образом, только всякими вкусностями и гирляндами украшают ёлки в Швеции на Рождество. А тут на дереве развесили потроха да оторванные руки и ноги. Изуродованная голова венчала макушку низкорослого дерева.

Головин все больше и больше убеждался в том, что охотиться придется не за людьми. А за какой-то очередной жуткой тварью.

К вечеру следующего дня, они оказались в лагере язычников. Точнее, в том, что от него осталось. Головин сначала осторожничал. Несколько раз посылал близнецов Ваньку и Ваську, самых ловких и самых глазастых в отряде, чтобы они разведали обстановку. И когда те вернулись, будто тени уходящего дня, и рассказали, что видели и слышали, Головин решил убедиться сам. И убедился очень скоро. Он понял, что, действительно, лагерь врага мертв.

Его окутывала удушливая, тяжелая тишина. И она пугала больше всего. В лучах заходящего солнца поблёскивали изодранные, именно изодранные доспехи, изломанное оружие. Ткань палаток заливала кровь.

Только, вот, тел не было.

— Похоже, кто-то сделал все дело за нас, – немного разочарованно сказал Гришка, оправляя вороненые наручи на крепких руках.

— Даже не знаю, радоваться, или бояться, – Степан настороженно озирался по сторонам.

Фрол внимательно осматривался. Точнее, как осматривался. Инок был сосредоточен, взгляд отсутствующий. Но Головин знал, что Фрол не пропустит даже мышь, узнает куда она направилась и как быстро.

Вдруг, он насторожился.

— Там, – указал он пальцем в беспалой перчатке на одну из наполовину сваленных палаток.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.